

каждое войско посылало, в зависимости от численности, от взвода до сотни казаков. Армейские казачьи части в мирное время состояли из 51 полка, 3 дивизионов, 9 отдельных сотен, 36 команд, 6 пеших (пластунских) батальонов и 19 конно-артиллерийских батарей. Казачий полк был, как правило, 6-сотенным, дивизион имел 3 сотни, пеший батальон – 4, батарея – 6 орудий. Во время первой мировой войны казачье население выставило 163 полка, 3 дивизиона, 263 отдельные сотни и полусотни, 5 запасных полков, 17,5 запасных сотен, 29 команд, 39 пеших батальонов, 57,5 батарей.

Для казачества военная служба во многом была тяжелее, чем для остального населения России. Из 120 млн населения ежегодно служили в войсках 1%, а казаков – 3%. Казачьи войска в мирное время составляли 7,1% всей численности армии, в военное время численность казачьих войск равнялась 7,2% всей армии на военном положении. Если взять данные по родам войск, то в мирное время казаки составляли менее 1% всей пехоты, более 42% всей кавалерии и 31% всей конной артиллерии. В военное время казачьи части составили: пехоты – 1,3%, кавалерии – 70%, орудий всех – 7%, одних конных – 60%. В 1916 г. из 4,5 млн казаков, в армии находилось около 285 тыс. человек, или 6,3 %. Как отмечал А. И. Деникин, казачьи части были единственной частью армии, откуда практически не было дезертирства в первую мировую войну.

Весь уклад казачьей жизни был подчинен одной цели – исправному выполнению воинской повинности. Молодой казак, принимая присягу, клялся служить царю и Отечеству, честно всю жизнь выполнял ее и воспитывал своих детей в том же духе. Всю свою жизнь казак оставался защитником Родины.

Д. А. Сафонов
Оренбургский педагогический университет

Влияние русско-японской войны 1904–1905 гг. на общественное сознание крестьян Южного Урала

Русско-японская война 1904–1905 гг. была первой войной новой, империалистической эпохи. Она затронула значительные слои южно-уральской деревни. Все прежние войны второй половины XIX в., которые затрагивали лишь часть южно-уральского населения, а именно казачество: так было и в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., и во время походов в Среднюю Азию.

Новая война, как и всякая иная, вызвали соответствующую реакцию населения: сразу после объявления в крае прошли отдельные патриотические манифестации, а после поражения на р. Шахэ, по утверждению

жандармского ротмистра Шамлевича, царило полное уныние и ощущалось “глухое недовольство”. Были в этой войне некоторые особенности. Следует признать, что цели и причины ее оставались массам практически неизвестными. Судя по всему, правительственная пропаганда ничего не делала для их разъяснения – все ограничивалось объявлением манифестов о войне и проповедями в церквях. Новая война воспринималась крестьянством как данность. И, видимо, поэтому власти не считали необходимым что-либо объяснять своим подданным, за исключением общих положений о долге защиты веры и т.п. Официальная пропаганда настойчиво и упрощенно уравнивала японцев как врагов “внешних” с врагами “внутренними” (подстрекателями, революционерами и иными, наносящими вред государству), ставя знак равенства между антивоенной агитацией и революционной пропагандой. Типичный пример: член Государственной думы от Оренбуржья трудовик М. Рыбаков писал в частном письме, что в феврале 1905 г. священник о.Василий объяснял события 9 января как результат подкупа рабочих столицы японцами, давшими на это 18 миллионов. “Мы, конечно, поверили, да и нельзя не верить, когда в церкви священник с амвона читает”. Данные свидетельствуют о том, что в оренбургской деревне почти ничего не знали о японцах. Вполне естественно, что информационная лакуна стала заполняться самими крестьянами. Остается только догадываться, какого рода “сведения” разносила крестьянская молва. Отдельные свидетельства очень показательны. Так, летом 1904 г. в пос.Крым Орского уезда учащимися был устроен политический митинг. Народ собрался не столько из-за их речей, но пришел смотреть “апонцев люцинеров”

Как свидетельствовал мемуарист, молодой студент Кочергин призвал крестьян не ходить на войну, и какая-то старушка общупала его: “А ты, сынок, не япошка будешь?” В мемуарах И. Мильчика, опубликованных в 1934 г., есть показательный момент: после начала войны грузины-социалисты, сосланные в Оренбург, подверглись хулиганскому нападению, так как были приняты крестьянами за японцев.

Интересно, что в рассуждениях русских крестьян Япония выступала как символ зла, средоточие всего отрицательного, плохого, как что-то враждебное. Так, в Ташле и окрестных селах распространился слух, что их бывший помещик Тимашев, с которым крестьяне враждовали, умер исключительно из-за того, что тайно продавал хлеб в Японию. Среди дел “об оскорблении его величества”, например, заявления следующего типа: “... У меня земли нет, за что ему (царю) служить, и платить ... его надо убить, а японцу служить”. В данном случае речь идет, конечно же, не об отсутствии патриотизма. Стремление перейти от “белого царя” “под японца” символизирует традиционную антитезу “добро–зло”, “бог–дьявол”.

Информационный голод крестьян со временем стал утоляться – пошли письма из армии, появились возвратившиеся с Дальнего Востока. Наблюдатели жандармского управления особо отмечали повышенный

интерес деревни к прессе. И все-таки прежнее представления об Японии не были изжиты полностью.

Важным моментом являются новации в сознании нерусского населения, в первую очередь башкир. Среди них наблюдалось обратное – Япония, тоже достаточно мифологизированная, выступала положительным фактором. И не от того, что у башкирских крестьян были какие-либо конкретные интересы или симпатии, а просто потому, что эта сила выступала против русских властей. Башкиры Зейнитдинов и Абдулмазитов (Оренбургский у., Бурзян-Кипакская вол.) 15 февраля 1904 г. на вопрос, за какого царя будут воевать, однозначно заявили: “Мы будем воевать за Китай”. За это они были доставлены уряднику, и от наказания их спасла лишь амнистия. Из слов башкир видно, что они совсем не разобрались в ситуации, а смысл заявления не столько в том, за кого готовы они воевать, сколько против кого. Подобные оппозиционные взгляды среди башкир не были редкостью – налицо массовое недовольство царской властью из-за несправедливости последней (достаточно вспомнить расхищение башкирских земель). И это притом, что башкиры не отделяли себя от власти вообще. Вот типичная ситуация: некто К.Куватов (д. Утягунова Орского у.) в августе 1904 г. в разговоре о войне заявил: “... Я давно молюсь за Японию и ихнего царя, чтобы они победили наших (подчеркнуто нами. – Д.С.). Нашему государю... все земли мало”. Здесь Японии отводится роль своеобразного защитника справедливости. И дело не в Японии как таковой – по религиозным принципам, например, она была столь же чужда башкирам, как и православная Русь. Дело в ином – башкиры искали себе защитника, союзника, на ее авторитет и мощь можно было бы опереться. Очень показательно в этом смысле происшествие 23 марта 1904 г. в Оренбургском уезде Бурзян-Кипчакской волости. Трое башкир собирали плату с торговцев за право торговать на базаре. Один из крестьян платить отказался, но сборщики ошиблись и набросились с кулаками на другого крестьянина, бывшего рядом. Тот закричал: “Что вы делаете, разве вы не нашему царю присягали и меня, совершенно невинного, стали бить”. Один из сборщиков К. Мухамедьяров заявил: “Какое тебе дело, кому я присягал: русскому или японскому царю, мы и сами все японцы”. Другой, И. Худайбердин, добавил, что он – судья волостного суда и что он “сам царь, бог и япон”. А. Г. Музамедьяров пригрозил: “Вас бьют японцы, да мало, мы вам покажем почище японцев”. На улицах начались беспорядки. Прибывшие башкирские начальник не только не оказали помощи в наведении порядка, а, напротив, заявили: “”Тут вашей земли нет и нам ваша полиция совсем не нужна”. Из толпы башкир человек до 200 раздавались крики, что они “новые японцы” и разгромят все русские дома. Полиция особо отмечала, что участники беспорядков были трезвы, т.е. действовали осознанно.

Несколько специфическое восприятие русско-японской войны у крестьянства Южного Урала не получило дальнейшего развития – начавшаяся первая русская революция резко всколыхнула сознание масс, ускорив их политизацию.

Е. А. Серен
Уральский государственный университет

Военно-разведывательные и торговые экспедиции славян и норманнов на Урале и в Приуралье (X–XI вв.)

В течение IX в. на Руси шел процесс эволюции военно-торговых межэтнических сообществ, окончательно оформившихся к XI в. в вооруженные силы государственного уровня. Последнее обстоятельство не исключало существования и деятельности на территориях восточных славян отдельных независимых военных отрядов викингов или, как их называли на Руси, варягов.

В ранней истории русской армии целесообразно выделить норманнский период. Речь идет о времени княжения Олега (882–912 (922)). Именно на этом отрезке истории княжеская дружина была максимально насыщена скандинавскими этническими элементами. Эта военно-торговая среда “русов” была почти полностью славянизирована к XI в., сохранив, тем не менее, свое изначальное наименование.

Одним из направлений военной и торговой экспансии русов и их соседей норманнов было северное направление или, точнее, северо-восточное. Импульсы, исходившие из Новгорода–Хольмгарда, Ладоги–Альдейгьоборга и континентальной Скандинавии, достигли к X–XI вв. Урала и прилегающих областей, расположенных севернее 56° с.ш. и западнее 50° в.д. Здесь находилась центральная зона мощного протогосударственного образования (Биармия), сферы влияния которого простирались от р.Варзума на западе и до Уральского хребта на востоке. Бьярмы даже контролировали перевал, расположенный вблизи современного Екатеринбурга, по которому пролегал путь через Урал в Сибирь и Центральную Азию.

Норманны и славяне достигали Урала и приуральских территорий двумя путями. Первая трасса была связана с речной системой Волга–Кама. О том, что уже во второй половине X в. викинги и русы проникали в Прикамье, свидетельствуют образцы артефактов из камерных погребений в Бирке (Швеция). Опираясь на информацию арабских путешественников (ибн Фадлана, ибн Хаукаля и Абу Хамида), можно также допустить функционирование в зимний период сухопутной трассы из Булгара в земли “югры”, “вису”, в “Страну мрака” и продвижение по этим маршрутам